

Диалог в науке и обществе. БОЛЬШАЯ И МАЛАЯ ТРАДИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Автор: И. Г. ЯКОВЕНКО

Статья 2*

Эпоха Возрождения знаменует собой фазу культурного синтеза. Четко структурированная культура средневековой Европы подошла к границам собственного системного качества. Дальнейшее развитие требовало активного освоения как наследия мира Античности, так и культуры Востока. В эту эпоху происходит открытие целого мира, лежащего за гранью освоенного средневековым христианством. Итерационный скачок в освоении Иного послужил импульсом к развитию и изменению большой, и малой традиций. Как это бывает в переходные эпохи, границы идеологически дозволенного и критерии оценки естественно размывались. Большая и малая традиции переплетались, взаимодействовали, рождали новое качество.

В эту эпоху классические "Диалоги" Платона и сочинения Плотина, переведенные на латынь, существовали рядом с не менее классическим в рамках герметической традиции *Corpus hermeticum*. А переведенные с арабского алхимические сочинения (к примеру, трактат "Tabula Smaragdina") соседствовали со знаменитым каббалистическим сочинением "Sepher-Ha-Bahir". В идейном арсенале Возрождения - учение орфиков. Причем все эти феномены мыслятся как часть универсума христианской культуры. Так, Пико делла Мирандола полагал, что магия и каббала подтверждают божественность Христа.

Увлечение герметизмом задавало новые ценностную и познавательную перспективы. Учение о соответствии макрокосма и микрокосма подробно разработано в сочинениях Ф. Парацельса. Микрокосм и макрокосм нераздельны и представлены друг в друге. Микрокосм, то есть человек, - конечная цель мироздания. Макрокосм - вместилище микрокосма. В этой теоретической перспективе изучение природы становится средством богопознания. Алхимики эпохи Возрождения заняты созданием философского камня и жизненного эликсира, трансмутацией элементов. Отождествляемый с Иисусом Христом философский камень должен послужить спасению человеческой души и природы. Философский камень упраздняет антиномии, излечивает болезни и возвращает молодость.

Интеллектуалы эпохи Возрождения верили в существование исходной, универсальной "старинной теологии", объединявшей мудрость древнего мира и изначальной рели-

* Статья 1 см. "Общественные науки и современность". 2005. N 4.

Яковенко Игорь Григорьевич - доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

гии, которая мыслилась как исток исторических религий. В соответствии с этой логикой конструировался пантеон "древних богословов" - Заратустра, Моисей, Гермес Трисмегист, Орфей, Давид, Пифагор, Платон. Идея религиозного и философского универсализма предполагала объединение всех потоков культуры в систему универсального, живого знания, отвечающего на все вопросы и решающего все проблемы. Иными словами, сам феномен Возрождения, его общенсторические итоги связаны с *глубоким взаимопроникновением* большой и малой традиции. Оттесненный на глубокую периферию европейской культуры или полностью забытый, внеортодоксальный пласт культурного наследия включается в пространство духовной жизни.

Как это часто бывает в истории, результаты культурного синтеза, складывавшегося в эпоху Возрождения, не имели ничего общего с исходными представлениями, ожиданиями и упованиями субъектов действия. Люди, увлеченные герметикой и алхимией, вдохновлявшиеся стремлением приобщиться к изначальным откровениям Древнего Египта и Азии, в конечном счете, двигали мир к парадигматике Нового времени. Открытая Н. Коперником гелиоцентрическая теория представлялась Дж. Бруно наполненной глубоким религиозным и магическим смыслом. Однако алхимикам не удалось создать философский камень. Развитие мировой культуры пошло в существенно ином направлении: возникла экспериментальная наука, были сформулированы законы сохранения и т.д. Иными словами, сложилась научная и мировоззренческая система представлений, в которой не осталось места для идей, вырастающих из магического мироощущения и оккультной традиции.

В этом отношении показателен феномен И. Ньютона. Создатель классической физики, на которой в значительной мере базируется парадигматика Нового времени, многие годы занимался алхимией, верил в изначальное, тайное откровение, утраченное позже и сохраняющееся в зашифрованном виде в мифах и преданиях, видел в лабораторных экспериментах способ добыть утраченное знание. Научковеды приходят к выводу, что современная наука возникла в результате слияния герметической традиции с механической философией [Westfall, 1971].

Итак, стоящие у истоков современной науки носители малой традиции видели цели развития научного знания и пути развития европейской цивилизации существенно иначе, нежели эти сущности выявились в ходе разворачивания европейской истории. Новое качество рождалось в рамках устойчивой старой ментальности. Базируясь на отработанных идеях, рекомбинируя привычные (хотя и далеко лежащие друг от друга) установки, люди позднего Средневековья формировали качественно новые феномены, обладающие собственной онтологией. А порожденные ими сущности были наделены способностью к саморазвитию, которое отрицало исходную парадигматику.

Вторая духовная революция, резонансная Возрождению, - Реформация разворачивалась в ином геополитическом и этнокультурном контексте, решала другие задачи и, казалось бы, выступала как автономный процесс, охвативший германоязычный Север Европы. Однако Реформация, в конечном счете, задавалась общим *Zeitgeist* ("духовным климатом") эпохи, вместе с Возрождением подводила черту под Средневековьем и формировала новое качество европейской цивилизации. В Реформации мы также обнаруживаем диалектику большой и малой традиции.

Идея индивидуального общения человека с Богом и индивидуальной ответственности перед Богом имела целый веер последствий. Индивидуальное общение с богами и духовными сущностями естественно укладывается в языческое мироощущение. Церковь веками изживала эту диспозицию, выстраивая другую иерархию, в которой сама она стоит между человеком и Создателем. Реформация сломала этот порядок, оживив устойчивые культурные смыслы и установки. В ряду обсуждаемых нами последствий лежит и ориентация на мистику, естественная для ситуации индивидуального общения с Богом. В эпоху большого структурного слома мистическое откровение и мистическое переживание мира освобождается от сковывавших их идеологического контроля и церковной дисциплины. Деятельные мистики эпохи Реформации заново творят культур-

ный космос. Творят из наличного культурного материала, в котором присутствовали как большая, так и малая традиции.

Разрушив авторитет и единство католической церкви, Реформация открывала дорогу личному духовному опыту и индивидуальной интерпретации доктрины. Вслед за М. Лютером появляются иные учителя и интерпретаторы (Ж. Кальвин, У. Цвингли, Г. Цвиллинг), Реформация дробится на множество сект и деноминаций. Иными словами, разворачивается множественный синтез доктрин и культурных практик. Анализируя эти процессы, надо учитывать, что Реформация воспринималась как альтернатива католической ортодоксии (иными словами, большой традиции), а потому естественно вбирала в себя потенциал малой традиции.

Наряду с крупными протестантскими конфессиями, изначально ориентированными на интеграцию в государство и цивилизацию, формируются низовые формы и движения, пронизанные эсхатологием и хилизмом. Идеальный комплекс подобных движений, противопоставляющих себя существующему государству, ориентированных на выход из истории и цивилизации, в обязательном порядке несет в себе пласты манихейских и гностических смыслов, апеллирует к идеям и практикам, принадлежащим малой традиции. Практика низовых сект и деноминаций складывалась во многом стихийно. В таких случаях всегда происходит актуализация маргинального культурного опыта. К примеру, радикальная секта анабаптистов получила мистический характер. Религиозный индивидуализм, основанный на мистической вере в пророческий дар, блокировал доктринальное и структурное оформление этого движения. Одни проводили жизнь в молчании и молитве, другие - в воплях и плаче, "падали в корчах уверяя, что при этом они общаются с небом" [Анабаптисты, 1993, с. 69.]. Здесь обнаруживается связь с дохристианскими и восточными экстатическими культурами.

Не менее красноречива в этом отношении феноменология эпохи Крестьянской войны XVI в. Предельно эсхатологично движение, возглавленное Т. Мюнцером: крестьяне уничтожали хранилища, жгли помещичьи запасы продовольствия, возвращавшиеся по домам повстанцы отказывались пахать землю, исходя из того, что победа народа близка и сошедший на землю Христос сообразит, как прокормить борцов за правое дело. Рядом с неистовым, выходящим за рамки большой традиции эсхатологием наблюдается мистериальное переворачивание социального космоса. Дворян обряжали в лохмотья и заставляли снимать шапки при встрече с бедняками. Маркитанткам, одетым знатными дамами, прислуживали графини и баронессы. Разрушая устойчивую структуру социального космоса, крестьянские массы реконструировали восходящий к античности мир карнавала. Иных альтернатив социальному порядку в их сознании не существовало.

Подчеркну, что по мере формирования христианской цивилизации напряженный эсхатологизм "выдавливается" из пространства большой традиции. Выстраивая устойчивый социокультурный космос, церковь сталкивается с разрушительным потенциалом напряженной эсхатологии, которая по своей природе противостоит государству и цивилизации, вычеркивает человека из процессов воспроизводства "мира сего", вписывает его в качественно иную - эсхатологическую перспективу (см. подробнее [Яковенко, 2000]). Отдавая дань соответствующей риторике, большая традиция стремится приглушить энергию эсхатологического ожидания, рутинизовать обращение к эсхатологическим сюжетам, актуализирует мирские ориентации прихожанина. В результате напряженная эсхатология перемещается в пространство малой традиции, становится достоянием сект и духовных движений, лежащих за гранью ортодоксии, сплавляется с другими элементами малой традиции (гностицизм, манихейство, эзотерика).

Замечу, что и в этом случае общеисторический результат лежит в пространстве, отличном от эсхатологических устремлений субъектов революционного действия. Восставшие крестьяне разрушали теоцентристское по своему характеру устойчивое феодальное общество, работая, вместе с другими силами, на формирование новоевропейской реальности. Как замечает Э. Соловьев, выковывавшаяся в горниле Реформации идея народа как источника суверенитета впервые заявлена Мюнцером [Соловьев, 1984]. Эти идеи прочно вошли в парадигматику либеральной демократии Нового времени.

Можно по-разному оценивать либеральную цивилизацию. Бесспорно одно - мир этот бесконечно далек от устремлений анабаптистов и шедших за Мюнцером крестьян.

Сложившееся в Средневековье теоцентристское феодальное общество логически вытекало из цивилизационного синтеза христианства. Возрождение и Реформация запустили процесс трансформации данной целостности. Контрреформация, Просвещение, Французская революция, мировые войны и великие диктатуры XX в. маркируют вехи описываемого преобразования. Новое время задавало качественно иной рисунок европейской цивилизации. На смену обществу, ориентированному на традицию, приходит доминанта тотальной динамики. Монотеизм теократического толка сменяет доминанта секуляризации. На месте универсальных по своим претензиям империй возникает "концерт" национальных государств. Меняются конфигурация базовых ценностей, социальные механизмы, политические институты. Разительно изменяются базовые характеристики ментальности.

Все эти перемены привели к радикальным преобразованиям большой и малой традиций. Изменились их конфигурация и механизмы взаимодействия. Доминирующее пространство диалога этих сущностей смещается из сферы идеологического комплекса церковной ортодоксии в сферу политических и культурных ценностей секуляризирующегося общества. Однако при всех изменениях большая и малая традиции выжили. Существенно преобразовываясь, они поддерживали живую связь со своими истоками. Внутри этих феноменов воспроизводилось осознание себя как устойчивых сущностей. В равной степени сохранилась их взаимная диспозиция и нескончаемая диалектика. Всякий раз в эпоху системного кризиса малая традиция актуализуется, стремится задавать параметры эволюции общества, активно включается в формирование новой конфигурации социокультурного универсума и сталкивается с противодействием большой традиции, делающей свой ответный ход.

Результатом взаимодействия большой и малой традиций стало секулярное общество Нового времени. Малая традиция противостояла средневековому универсуму и работала на его размывание и трансформацию, противостояла универсальным империям, сословным обществам, абсолютизму, утверждала многообразие мира, созидала города и нации, рождала идеи личностного, нравственного совершенствования и большой культурной работы во имя преобразования общества, идеи общественного договора и революции. Либеральная философия, наука Нового времени, рыночная экономика, капитализм возникали в непрестанной диалектике большой и малой традиций. Идеология прав человека, идея политической нации, формирование политических институтов правовой демократии и, наконец, самое главное - созидание нового, постсредневекового человека, чуждого идеалам сословного общества и не способного вписаться в "старый порядок" - все эти процессы происходили при самом активном участии субъектов, принадлежащих малой традиции.

Консервативно-традиционалистский космос последовательно подавлял и изживал малую традицию, используя для этого как идеологические институты, так и полицейские механизмы. Такая политика была заложена в нем на рефлекторном уровне и, в принципе, не подлежала пересмотру. Соответственно, субъектный слой малой традиции формировал и продвигал идеологию прав человека, ценности толерантности, идеалы политической свободы, то есть идейные комплексы, противостоявшие идеологии служения и сакрализации символов феодального государства. Носители малой традиции участвовали в формировании идеологии и политических институтов правовой демократии.

В этом пространстве идеалы духовной свободы прежде всего означали *свободу выбора* малой традиции. Просвещение понималось как процесс раскрытия и введения в оборот наследия малой традиции. Неотъемлемые права человека - свобода совести, слова, собраний, организаций - гарантировали носителям малой традиции их существование. Наконец, социальные и политические проекты, активно создававшиеся в этой среде, предполагали свободное самоосуществление социальных и политических альтернатив

"старого порядка", вырастающих из культурной и социальной среды, связанной с малой традицией.

Противостояние "старому порядку" - сценарий негативный, дающий представление о том, от чего отталкивались идеологи и практики малой традиции. Не менее значима позитивная программа, система позитивных ценностей, которая выстраивалась в ходе сложного и драматичного разворачивания новоевропейской истории. В самом общем виде, результат диалектического взаимодействия большой и малой традиций может быть описан как либеральная цивилизация. Освобождение человеческой мысли от оков церковной догматики и схоластики, утверждение человеческого достоинства, личной независимости и внутренней свободы, иными словами, утверждение принципа самостояния человека, идея улучшения жизни через просвещение, моральное совершенствование человека, создание всемирного братства людей - все эти сущности лежали в ядре того идейного комплекса, который пришел на смену "старому порядку". При этом теоретики и практики малой традиции часто оказывались на первых ролях и в ключевых точках процесса преобразования средневековой Европы в современную евроатлантическую цивилизацию.

Масонство и проблемы конспирологии

В процессах преобразования старого мира самое деятельное участие принимали *практики* малой традиции. В XVII-XVIII вв. в поле общественного внимания переживающей изменения Европы попадает ряд специфических организаций - розенкрейцеры, масоны. Члены этих организаций оказываются среди активных деятелей описываемых преобразований. В этот список попадают "Отцы-основатели" США, авторы французской "Декларации прав человека и гражданина", лидеры клуба якобинцев, лидеры освобождения Латинской Америки от испанского владычества (Х. де Сан Мартин), Дж. Гарибальди, ряд руководителей Парижской коммуны, ряд видных декабристов и многие другие.

В течение сравнительно короткого времени подобные структуры распространяются по всему христианскому миру. С точки зрения формальных признаков - это закрытые организации орденового типа. Ближайшая аналогия - средневековые ордена. Они взаимосвязаны, близки идейно и солидарны во многих отношениях. Действительное время возникновения описываемых организаций, их социокультурный генезис, цели и задачи, идейная эволюция, формы участия в жизни общества, масштаб этого участия - все эти вопросы не имеют строгих и однозначных ответов. Эзотерический характер орденов, а также мифология, сложившаяся вокруг них, создали ауру недоверия. Однако по сумме выработанных в настоящем исследовании критериев, все они могут быть уверенно отнесены к малой традиции. Замечу, что новые ордена идейно и организационно увязывают себя с эталонными для малой традиции тамплиерами.

Нельзя сказать, что роль масонов и подобных им организаций в разрушении "старого порядка" остались за рамками рефлексии со стороны носителей разрушаемых ценностей. Идеологи традиционализма разработали конспирологическую концепцию, согласно которой история христианского мира предстает как поле заговора всемирно-исторического масштаба. Некоторые тайные силы веками реализуют определенную стратегию "уклонения" мира от ценностей и идеалов ортодоксального христианства. Авторы отечественных версий конспирологии начинают историю этой борьбы с тамплиеров, разрушения крестоносцами Константинополя и через масонов выходят к революционным преобразованиям христианской Европы, разрушению великих империй, насаждению духа секуляризма. Цели этого движения видятся в глобализации, создании мирового правительства и утверждении власти Антихриста.

В механизме заговора выделяются несколько соподчиненных уровней. Уровень эксплицитированный (политики, деятели культуры, надправительственные международные организации, масонские и другие организации, маркирующие малую традицию), работающий в парадигматике современной либеральной цивилизации, скрывает закрытый

уровень, или уровень посвященных, на котором проговариваются и реализуются подлинные цели заговора. Этот тайный уровень также мыслится иерархизованным. При описании высшего из "человеческих" уровней (представленных *homo sapiens*), как правило, упоминается некая "Сионская община", каббалистическая по своей духовной сути. Говоря о "человеческих" уровнях, надо помнить, что конспирологическая доктрина мыслит структуру заговора в двух плоскостях - человеческой и ангельской, ибо во главе всей этой иерархии стоит непосредственно Князь Тьмы.

Конспирологическая историософия представляет самостоятельный интерес как идеологический феномен, содержит богатый материал для историков, культурологов, психологов и других специалистов. Упомянув конспирологическую мифологию ради полноты изложения существующих позиций, полагаю очевидным, что в содержательном отношении эти построения лежат за гранью научного знания. Надо подчеркнуть, что настоящая квалификация не содержит в себе каких-либо суждений относительно истинности или ложности конспирологических построений. Представляется, что принятие или отвержение этих убеждений - предмет веры. Обозначить же пространство бытования названных идей за *рамками* феномена науки необходимо в целях сохранения методологической и, если угодно, стиливой чистоты научного исследования.

Однако было бы неверно понимать масонов или членов Мальтийского ордена как тотальных агентов Революции с большой буквы. Масоны свободно могли оказаться в стане контрреволюции: так, например, руководителем мятежа в Вандее был масон Ф. А. де Шаретт. Все было существенно сложнее. Возникавшие в недрах старого мира масонские ложи участвовали в порождении конфликтов, которые вели к политическим и социальным преобразованиям революционного характера. Так выглядели объективные последствия их деятельности. Но когда разворачивались революционные процессы, отдельные организации (ложи) и персонажи могли вырабатывать свое собственное отношение к происходящему, становясь революционерами, контрреволюционерами, либералами, консерваторами и т.д.

Масоны - идеологически оформленная и организационно структурированная форма бытования малой традиции, адекватная эпохе секуляризации. Она задавала альтернативу сходящей с исторической арены версии большой традиции, формировала свое видение будущего христианского мира и участвовала в продвижении и реализации собственных идеалов. Масоны активно работали с элитой. Масонское мировидение вдохновлялось идеей универсализма. Не имеющее единого центра масонство было достаточно гетерогенно. Но, при всех организационных и идейных различиях, на некотором уровне базовых ценностей и генеральных интенций масоны оставались едиными на всем пространстве христианского мира.

Обобщая, укажу - масонство демонстрировало те же признаки, что и церковь на стадии перехода от крупной секты к мировой религии: универсализм, акцент на элите, способность к стратегическому развитию. Говоря о сущностном подобии масонов христианской церкви, можно подчеркнуть следующие черты: 1) наличие устойчивой структурированной организации, организационная и идеологическая гибкость, варьирующая формы в зависимости от региональных различий, способность к координации действий отдельных элементов, к самовосстановлению разрушенных структур и к возвращению на утраченные территории; 2) наличие идеологии, ориентированной на внутренний мир человека, ставящей при этом цели переустройства мира и в стратегической перспективе предполагающей синтез универсума.

Естественно, что христианская церковь, прежде всего католическая¹, которая структурировала средневековую большую традицию и не демонстрировала способности к преобразованиям, активно противостояла тайным обществам. В XVII в. преследовались немногочисленные розенкрейцеры. В XVIII в. пришло время борьбы со следующей, неизмеримо более мощной и активной формой структурирования малой традиции.

¹ Когда православной церкви пришло время столкнуться с масонами, она заняла ту же позицию.

Папская булла 1738 г. осудила масонство как вредную секту. Церковь, а также государственные и общественные институты, воплощавшие ценности традиционного общества, развернули борьбу с масонством. Однако время работало против них.

На мой взгляд, пик исторической активности масонства - XVIII-XIX вв. Острота темы масонства падает по мере размытия традиционного универсума. Утверждение либеральной цивилизации снимает этот тип структурного оформления малой традиции. Снимает в гегелевском смысле: телеология масонства как инструмента преобразования застойного общества исчерпывается. Это лишает его доминирующей позиции, ставит в ряд с другими формами самоорганизации носителей духовной и социальной альтернативы. Процессы секуляризации затрагивают и саму масонскую среду. Компонента связи с трансцендентным истончается. Масонские ложи превращаются в элитные клубы. Вопреки конспирологической мифологии, в обществах, завершивших переход к либеральной цивилизации, масонство как фактор динамики отходит на второй план.

Коммунизм и фашизм

В XX в. на историческую арену стремительно вырываются два идейных движения, также подобные церкви, которые воплощали великие тоталитарные идеологии - коммунизм и фашизм. И коммунизм, и фашизм являют собой альтернативу либеральному пути исторической эволюции христианского мира, который выстраивался в XVIII-XIX вв. В этом отношении они стали ответом на вызов модернизации со стороны наиболее отсталых, косных, наименее способных к либерализации обществ христианского мира².

С общен исторической точки зрения коммунизм и фашизм представляют собой вариант промежуточного социокультурного синтеза. Они фиксируют определенный этап перехода от имманентно статичного к имманентно динамичному обществу и решают задачи раннего капитализма в странах, которые по разным причинам не могут сформировать устойчивое капиталистическое общество. Промежуточный синтез - сущность неустойчивая (как, например, раннее государство). Срок жизни подобных феноменов ограничен во времени. "Перелопатив" традиционалистский космос и создав инфраструктурные предпосылки для перехода на магистральную линию эволюции, тоталитарные *диктатуры развития* исчерпывают свою телеологию и сходят с исторической арены. По своим претензиям коммунизм и фашизм замахиваются на создание собственных цивилизаций, но в исторической реальности обеспечивают лишь краткий всплеск исторической активности. Отчасти это напоминает картину всплеска раннехристианского гностицизма и исторического манихейства (II-V вв.), которые также стремительно развернулись в эпоху цивилизационного перехода, казалось бы, угрожали судьбам христианства, но быстро сгинули, отступив на окраину, или ушли за границу христианской ойкумены³.

Если коммунизм и фашизм есть *вырожденные формы* цивилизационного синтеза, то в их формировании должны были принимать участие как большая, так и малая традиции. Вклад большой традиции в формирование этих исторических феноменов очевиден и подробно описан. Достаточно подробно описан вклад малой традиции (окультурной компоненты) в формировании фашизма, особенно германского. В литературе содержатся указания на подобные явления в генезисе итальянского или румынского фашиз-

² Позднее коммунизм обнаружил потенциал выхода за рамки христианской ойкумены. Фашизму этого не удалось, но некоторые светские режимы в арабском мире можно рассматривать как преемственные по отношению к классическому фашизму.

³ Общность судеб этих идеологических феноменов задана общностью базового признака. В их основе лежит стратегически нежизнеспособный синтез. Он позволяет извлечь первичную энергию эсхатологического горения, необходимую для всплеска и движения вширь, но не создает источников пополнения этой энергии, ибо не строит нормальную, самовоспроизводящуюся цивилизацию.

ма. Данная тема заслуживает специального исследования, но общая логика генезиса фашизма как явления, рождающегося в специфических условиях, в рамках диалектики местных вариантов большой и малой традиций представляется понятной.

Проблема участия малой традиции в идейном и организационном генезисе коммунизма разработана гораздо слабее. Частично это можно объяснить тем, что крах мирового коммунизма происходит на наших глазах. До сих пор существуют идеологические и политические барьеры на пути беспристрастного исследования данной проблематики. Массив открытых исторических источников, которые могут дать основания для достоверных теоретических построений, недостаточен.

Утверждения о связи российских революций 1917 г. с деятельностью масонов давно стали штампом традиционалистского антикоммунизма. В конспирологической версии мировой истории масоны, разлагая мир традиционных (то есть подлинно христианских) ценностей, насаждали безбожные либеральные режимы на Западе. В России же они, в силу малопонятных соображений, создали не безбожный либерализм, а богоборческий коммунизм. Соответственно этой доктрине, лидеры Февральской революции почти сплошь объявляются масонами. Масонами оказываются и ведущие лидеры Октябрьской революции. Беда в том, что эти построения ни о чем, кроме уровня мышления их авторов, не свидетельствуют.

Оставаясь в пространстве научно достоверного, можно выделить идейные связи коммунизма с малой традицией. Прежде всего это гностико-манихейский идейный комплекс и напряженный эсхатологизм коммунистической мифологии. Механизмы рецепции обозначенных идей в идеологию большевизма из сферы бытования малой традиции в низовой народной культуре исследовались и автором этих строк [Яковенко, 2002]. Советских большевиков роднят с присущими малой традиции магическими практиками эксперименты в области парапсихологии, чтения мыслей, работа с шаманами, медиумами и гипнотизерами. Наконец, по крайней мере, до конца 1930-х гг. среди большевистской элиты существовал круг людей, система представлений которых предполагала наличие эзотерического уровня представлений теософского плана. В этом контексте чаще всего упоминают экспедицию Н. Рериха в Центральную Азию и деятельность видного сотрудника НКВД Г. Бокия. Названные проблемы нуждаются в дальнейшей разработке. Что же касается общей логики генезиса коммунизма и коммунистического государства, то здесь, по моему убеждению, как и в случае с фашизмом, имела место диалектика большой и малой традиций.

Завершение эры великих тоталитарных идеологий закрывает последний большой этап в истории евроатлантической цивилизации. Реальность 1990-х гг., процессы глобализации, выстраивание новых экономических и политических конфигураций, свидетелями которых мы являемся, принадлежат настоящему и лежат за рамками нашего исследования.

Малая традиция в современной культуре

Масонские ложи - лишь верхушка айсберга организационных форм малой традиции в культуре большого общества. По мере секуляризации, смягчения цензурных ограничений и изменения общей атмосферы в европейской философии, литературе и искусстве, начиная с эпохи Просвещения, носители этих идей самоорганизуются, развивают соответствующий эпохе дискурс, выделяют себя из общей массы на уровне стиля и образа жизни, формируют особое культурное пространство, рожают разнообразные структуры, которые объединяют людей, разделяющих ценности малой традиции. Так возникает самостоятельный пласт европейской культуры Нового времени, который характеризуют некоторые сквозные идеи и общность мироощущения. В этой целостности можно выделить уровень текстов, выражающих соответствующие идеи, уровень культурных практик и образа жизни и, наконец, уровень организационных форм.

Деятели искусства, работающие в разных жанрах и сферах интеллектуального творчества, принадлежащие различающимся эстетическим школам и идейным течениям,

пишущие на разных языках и часто разделенные поколениями, создают мировоззренчески близкие произведения. Эти произведения отвечают на запросы общества, получают широкую аудиторию и постепенно складываются в некоторую мозаику. Описываемый пласт культуры имеет своего читателя и почитателя, который безошибочно выделяет близкие ему произведения и ставит на одну полку немецкого философа, французского поэта, шведского теософа и русского оккультиста. В результате формируется особая субкультура. Эта субкультура достаточно вариативна, имеет как ядро, в котором сущностные признаки явления выражены наиболее четко, так и весьма размытую периферию. Она представлена в разных формах. Наряду с атомарно-дисперсными носителями мироощущения малой традиции в ней присутствуют самые разнообразные формы организации - секты, духовные школы и движения, клубы и общественные организации, псевдосредневековые ордена и т.д.

Можно сформулировать общие идеи или мировоззренческие комплексы, которые объединяют малую традицию. Это: 1) идея тайного знания, способного преобразовать мир; 2) идея инициации как способа приобщения к тайному знанию; 3) идея иерархии, прежде всего иерархии космической, а также социальной иерархии носителей тайного знания как отражение космической иерархии; 4) манихео-гностицистский комплекс; 5) обостренный эсхатологизм.

Генеральная установка: "мы - другие". Иначе говоря, идея инаковости по отношению к миру большой традиции, содержащая в себе импульс к отторжению этого мира и консолидации по этому признаку, в широком смысле *ориентация на альтернативу* основаниям ортодоксальной христианской культуры. В этот круг входит интерес и к некоторым, значимым для малой традиции мифам и легендам (получающим особую акцентуацию, отличающуюся от большой традиции), и к идейным течениям, отринутым в ходе становления христианской цивилизации (образы, символы, мифологемы, персоналии, знаковые события), и к хорошо известным в Европе внехристианским учениям типа Каббалы, и к чисто восточным доктринам, базовые тексты которых в Новое время переводятся на европейские языки и активно включаются в культурный оборот. Авторы этого плана свободно оперируют именами Пифагора и Василида, Дж. Ди и Ж. де Моле. В этом смысле у них существует своя галерея персоналий, критериальная для малой традиции и четко маркирующая соответствующие тексты.

В равной степени в малой традиции сложился собственный набор значимых исторических событий, образов и символов, календарных праздников. К примеру, в романах, созданных в рамках малой традиции, начало важного дела скорее совпадет с днем летнего солнцестояния, а умирание придется на декабрь (месяц смерти по кельтскому календарю). Вообще говоря, малая традиция акцентирует даты (увязывая их с сакрализованно прочитываемым календарем) и числа (эта нумерология связана с алхимической и каббалистической традицией). Данному направлению свойственны аристократизм избранности, склонность к маргинальным культурным практикам, моделям поведения, формам образа жизни. В среде носителей малой традиции скорее можно встретить репрессированные большой традицией сексуальные практики⁴. Здесь наблюдаются поиски стиля поведения и образа жизни, выводящих за рамки общепринятого, интерес к разнообразным духовным/телесно-духовным практикам, обеспечивающим вхождение в измененное состояние сознания.

Тексты и произведения, выражающие идеи малой традиции, охватывают практически всю палитру литературы и искусства, присутствуют в публицистике, философии, откровенно доминируют в литературе мистического плана, литературе по оккультизму, теософии. Необозримость материала создает свои трудности. Мне остается в порядке перечисления назвать некоторые знаковые имена и феномены: в философии - маркиз

⁴ С одной стороны, и это естественно, малая традиция вбирает в себя носителей девиантных форм поведения, с другой - репрессированные практики сохраняют живую связь с дохристианскими или внехристианскими культурными традициями.

А. Ф. де Сад, Ф. Ницше; в психологии - К. Г. Юнг; в живописи - Леонардо да Винчи, Д. Г. Росетти, прерафаэлиты, К. Малевич и во многом - ранний авангардизм; в прозе - М. Шелли, Ж. Санд, Э. Т. А. Гофман, вообще говоря, романтики как направление, Э. По, готический роман как направление; в поэзии - И. В. Гете, А. Рембо, Р. М. Рильке, А. Теннисон, Ф. Шиллер; в музыке - В. А. Моцарт, К. В. Глюк; Д. Бортнянский; в детской литературе - Д. Дефо, Г. Х. Андерсен, А. Пушкин, Л. Кэрролл, А. де Сент-Экзюпери. Внимательный зритель может обнаружить масонскую или алхимическую символику в некоторых зданиях и других памятниках архитектуры. В России в этом отношении примечательна архитектура В. Баженова.

Замечу, что носители малой традиции часто обращались к проблемам воспитания, теории и практике педагогики, писали сказки и притчи для детей. В этом ряду сразу вспоминаются Я. А. Коменский или созданная Р. Штайнером Вальдорфская школа педагогики. В Новое время складывается самостоятельная богословско-философская традиция, обнимающая целый пласт взаимопереплетающихся направлений: мистика, эзотерика, антропософия, теософия. Знаковые имена: Э. Сведенборг, Ф. Гартман, Р. Штайнер, Е. Блаватская, Н. Рерих, Андрей Белый.

По существу, идеологи подобных движений создают самостоятельные религиозно-философские учения, осуществляют свой особый синтез (теоретический, богословский, мифологический), альтернативный синтезу христианской ортодоксии. В этих доктринах в тех или иных пропорциях присутствуют элементы научного знания, положения, почерпнутые из великих религиозных традиций Востока, элементы христианского происхождения. Вокруг новых учителей формируются кружки адептов, складываются школы и направления, возникают организации, где печатаются книги, делаются попытки создания полноценного религиозного культа⁵. Последователи новых учений, как правило, взаимодействуют друг с другом, обнаруживают хорошую начитанность в литературе близлежащих движений.

Параллельно с более или менее созерцательными эзотериками формировался деятельный мир оккультизма Нового времени. Маги и колдуны, предсказатели будущего, знаменитые спириты и телепаты обретали соответствующие эпохе символы, ездили по миру, выступали перед почтенной публикой, получали солидные гонорары. Постепенно формировалось движение, имевшее своих теоретиков, практиков, идеологов. В этом ряду мы обнаруживаем: Д. Д. Казанову, графа Калиостро, Папюса (Ж. Анкоса), Г. Гурджиева. Вокруг знаменитых оккультистов формировался круг почитателей, сам этот род деятельности превращался во вполне легитимный элемент культурной жизни образованного общества.

Наконец, как и во все другие эпохи, малая традиция Нового времени опирается на необозримый пласт низовой народной культуры. Культура народных масс сохраняла традиционное ядро, в котором элементы большой и малой традиции сплетались в синкретическом единстве. Реалии нового времени - последовательно охватывавшая Европу система всеобщего образования, формирование национальных рынков, рост промышленного производства, железные дороги - подтачивали устойчивые целостности, но не разрушали их. В результате изменений скорее происходила трансформация форм осознания и трактовки как большой, так и малой традиции - переименование, переосмысление, включение устойчивых сущностей в изменившуюся картину мира⁶. Общее же соотношение базовых компонент культуры оставалось неизменным.

Гадалки, народные целители, приворотные зелья, приметы и обычаи, элементы народных празднеств и все остальные бесчисленные проявления языческой стихии сохра-

⁵ Замечу, попытки до сих пор не слишком успешные. Устойчивого культа этим движениям создать не удалось.

⁶ Эти процессы идут постоянно. К примеру, цикл подобной ресемантизации российское общество пережило за последние 30 лет, когда усилиями "самиздата" общество знакомилось с теософской литературой, классических колдунов стали называть экстрасенсами, а для объяснения механизмов магического воздействия из физики привлекалось понятие поля.

няются. Теперь они лучше представлены в глубинке и несколько беднее - в городах, но эти изменения не носят качественного характера. С угасанием средневекового города постепенно иссякает энергия карнавала. Изживает себя, утрачивая связи с пространством идеального бытия, классическая ярмарка. Праздник обжорства и гипертрофированного изобилия перерождается в нормальный бизнес. Эти и другие процессы ведут к сворачиванию устойчивых форм бытования традиционной культуры. На освободившемся месте складывается иная картина, в которой малая традиция обретет свои новые формы. Секуляризация ослабила пресс общекультурной репрессии. Теперь феномены народного язычества и другие формы малой традиции вызывают гневные проповеди в приходских храмах и брезгливую реакцию образованного общества, но не порождают правовых последствий. Это ведет к оживлению низовой альтернативы нормативной модели культуры.

Идет нескончаемый процесс рождения религиозных сект и движений, появляются пророки и ересиархи, странники передают "достоверные" свидетельства о скором конце света. В народной среде рождаются самые фантастические интерпретации христианской доктрины. В низовую культуру спускаются феномены культуры большого общества, которые перетолковываются на свой лад. Идеи мистиков или теософов вплетаются в устойчивые представления о порче, колдовстве, о сотворении мира Богом совместно с Дьяволом, о тайном царевиче, который скрывается до срока, об Опонском царстве и т.д.

Если не особого разговора, то хотя бы самого краткого, суммирующего упоминания заслуживает и современное состояние культуры христианского мира. Сегодня малая традиция представлена в этой культуре как никогда широко. Это и мир идей, и поле самых разнообразных практик, и бесконечное разнообразие структур - от сект, церквей, орденов, до клубов, объединений магов и экстрасенсов, и феноменология молодежных субкультур (типа хиппи), а также духовных/культурных движений типа *New Age*. Как всегда, рядом с формами, структурированными так или иначе, существует масса дисперсных носителей малой традиции.

Наряду с чисто восточными культами и школами, на пространствах евроатлантической цивилизации утверждаются синкретические учения, объединяющие элементы христианства и язычества, типа культа Буду, или исламско-христианские мистические школы. Практики наркотизации ("травка", ЛСД) вошли в образ жизни целых поколений и стали знаменем эпохи. Масса людей по обеим сторонам Атлантики откликается на имя К. Кастанеды. Приметным явлением последних десятилетий XX в. явились эсхатологические секты, практикующие массовые самоубийства.

Сегодня в каждой уважающей себя европейской стране найдутся сатанинские секты, школы и движения. Ведьмы, колдуны и другие практикующие приверженцы местного язычества (чаще всего их называют неоязычниками) объединяются, встречаются на природе, проводят фестивали на лужайках, обмениваются опытом. У этих движений есть и теоретики типа Р. Грейвса и А. Кроули, и практики типа простых адептов "Вики", и гарольды-популяризаторы типа Ф. Меркьюри и Б. Гребенщикова. Рядом с более или менее традиционными возникают совершенно беспрецедентные феномены, наподобие сект, почитающих НЛО как посланцев высшего мира. Палитру дополняют чисто игровые практики типа псевдотамплиеров или псевдомасонов, толкиенистов, поклонников А. Дюма и т.д.

Молодежная культура вообще и рок-культура как ее наиболее емкое выражение пронизаны идеями и символами малой традиции. Здесь перед нами предстает целая галерея групп типа "Айрон Баттерфляй", "Лед Зепеллин", "Дип Перпл", "Нирвана", и созвездие имен от ярого Мерилина Менсона до умеренного и академичного Меркьюри.

Принимая серьезные решения, бизнесмены и политики консультируются у практикующих астрологов. Астрологи, гадалки, экстрасенсы имеют колонки в периодических изданиях, создают школы, разрабатывают ступени посвящения, присваивают друг другу квалификационные свидетельства. В странах евроатлантической цивилизации печатается масса специальной литературы, которая охватывает практически все аспекты ма-

лой традиции. Монографии, посвященные отдельным феноменам, справочники и энциклопедии, обзорные статьи покрывают большую часть исследуемого пространства. На наших глазах Интернет превратился в еще одну форму представления малой традиции. Вот, к примеру, как структурируется пространство малой традиции на одном из соответствующих сайтов: "Тайные общества и ордена, закрытые элитарные клубы, тайные знания и оккультизм, мистика, магия, эзотерика, астрология, каббала, политический оккультизм, сатанизм, тоталитарные секты, экстрасенсорика, ясновидение" (<http://www.masonsru.ru>).

Эскиз современного состояния исследуемой проблемы был бы неполон без упоминания литературного процесса. Магистральная линия литературного развития малой традиции в XX в., начинавшаяся именами Д. Джойса, М. Пруста, лидерами русского Серебряного века (М. Цветаева, Андрей Белый, О. Мандельштам, Б. Пастернак), переходит к В. Набокову, Г. Гессе, Т. Манну. Послевоенная реальность рождает к жизни Д. Керуака, К. Кастанеду, Э. Берджеса, Х. Л. Борхеса, Г. Гарсия Маркеса. Малая традиция формирует ряд культовых писателей: Дж. Фаулза, У. Эко, М. Павича, П. Коэльо, которые создают в своих произведениях сложное и многослойное пространство отсылок, намеков и интерпретаций, охватывающее практически весь корпус базовых мифов и представлений малой традиции. Сегодня в этом ключе работают турецкий писатель О. Памук и украинец Ю. Андрухович. Обобщая, надо признать, что в XX в. малая традиция очевидно активизировалась и наступает по всем фронтам.

Взаимодополнительность большой и малой традиций

Итак, история христианского мира раскрывается как нескончаемый процесс взаимодействия большой и малой традиций, которые достаточно разноприродны, чтобы оформиться в самостоятельные сущности, но при этом вырастают из единого источника и существуют во взаимосотнесении. При осмыслении этих феноменов исследовательская мысль начинается с того, что фиксирует их позиционное противостояние. Качественные и стилистические различия большой и малой традиций наиболее заметны в сопоставлении. Вместе с тем за этими различиями скрывается заложенное глубоко и слабо просматриваемое с поверхности *единое основание*. Глубинная общность большой и малой традиций делает их взаимодополнительными. Перед нами две стратегии, направленные, казалось бы, в разные стороны, но ведущие в одном направлении. Два стиля одежды, которые позволяют охватить все множество ее вариантов. Два зеркала с разной геометрией, которые в совокупности отражают в себе все богатство мира.

В целом малая традиция более пропитана магическим и менее рациональна, нежели современная ей большая традиция. Соответственно, всякое социальное и культурное движение, ретроспективное по своему характеру, архаизирующее, противопоставляющее себя рациональному, потенциально устремлено к малой традиции. Малая традиция, как правило, реализует более архаический вариант культурного синтеза. В широком смысле, истоки ее те же, что и большой, но критерии отбора и процедуры трансформации заимствованного материала в этих альтернативных системах существенно разнятся. Малая традиция в меньшей степени прошла очищение и рационализацию сознания, нежели традиция большая, и сохраняет это положение вещей как существенную ценность. Для малой традиции в большей степени характерно мифологическое мышление. Человек малой традиции мыслит образами, персонажами и ситуациями разделяемой им мифологической системы. Примерно так же мыслил средневековый книжник.

Большая и малая традиции не только дают различные ответы на фундаментальные вопрошания человека о Творце и творении, о целях и смысле человеческого бытия, о месте человека во Вселенной и т.д. Они по-разному ранжируют приоритеты, подробно разрабатывают разные сферы и аспекты универсума. Четкие и однозначные ответы в одной системе соотносятся со сложно неоднозначными ответами на те же вопросы в другой системе координат. Большая и малая традиции предлагают две различающиеся

оптики, две системы координат и две картины мира, которые некоторым образом соотнесены друг с другом.

Наконец, и это очень важно, ни одна из этих парадигм не в состоянии покрыть мир целиком. При всех претензиях как большой, так и малой традиции каждая из них недостаточна для охвата всей целостности бытия. Ни мир как целое, ни человек во всей полноте его проявлений не покрываются большой либо малой традицией. Вселенная и человек шире любой интерпретирующей системы. Эти три фактора - различия, соотнесенность и частичность - делают большую и малую традиции взаимодополнительными. Большая и малая традиции отвечают разным сторонам человеческой души, лучше работают в отличающихся ситуациях, центрированы на различные типы культурного субъекта. Можно утверждать, что каждый человек пребывает одновременно и в большой, и в малой традициях, акцентируя в той или иной ситуации одну из этих систем координат. Применительно к отдельному человеку можно лишь решать вопрос о том, какая из традиций доминирует в его системе сознания.

Среди шедевров мировой культуры поразительно много произведений, пронизанных идеями малой традиции. Среди заурядного потока произведений литературы и искусства их значительно меньше. На мой взгляд, это связано с природой гения, стремящегося выразить всю полноту бытия. Это удается ценой выхода за рамки большой традиции и создания произведений, в которых рядоположены два пласта смыслов - эксплицитный, представляющий большую традицию, и имплицитный, несущий в себе традицию малую.

В высшей степени существенна внутренняя связь большой и малой традиций, их *погруженность друг в друга*. Развернутый анализ показывает, что малая традиция существует в неразрывном единстве с традицией большой, постоянно соотносит себя с ней: противостоит, дополняет, проектирует, предлагает альтернативу. Ровно так же ведет себя и большая традиция. Разница состоит в том, что большая традиция эффективнее скрывает эту соотнесенность, отрицая самое существование традиции малой.

В целостности христианского универсума малая традиция очевидно комплементарна относительно традиции большой. Те положения богословско-мировоззренческого порядка, которые не могут быть ассимилированы в большую традицию, в силу догматических границ христианской доктрины (идеи метампсихоза или другие теософские, масонские, розенкрейцеровские представления), а также элементы ритуальной практики, которые не вписываются в целое ортодоксального христианства, "добираются" малой традицией и входят в не знающий противоречий синкретический мир массовой ментальности. Тем самым культура отвечает на экзистенциально значимые потребности широких масс и решает задачи эффективного интегрирования социокультурного универсума. В этой связи нельзя не отметить, что разделение на синкретические и монотеистические цивилизации обнаруживает свою условность. Граница между ними лежит, скорее, в пространстве автотематизации мира монотеизма.

В привычных и устойчивых трактовках существо христианского мира сплошь и рядом сводится к нормативной модели большой традиции. Ее представляют как ядро христианской цивилизации, на фоне которого могут быть обнаружены некоторые контртенденции или артефакты: ереси, отклонения, пережитки язычества, влияния иных культур и т.д. Между тем реальность возникновения, существования и развития этой цивилизации - в диалектике большой и малой традиций. Они развиваются параллельно, сосуществуя и взаимопроникая некоторым парадоксальным образом так, что каждая из них обнимает собой другую. Они находятся в постоянном диалоге с окружающим миром (прежде всего с миром Востока), с наследием прошлого и друг с другом. Они постоянно отвечают на вызовы времени. В разное время порождают новые синтезы. Синтез малой традиции побуждает большую к ответной реакции. Ответ большой традиции активизирует малую, и т.д. В результате происходит постоянное взаимообновление мира, обнимающего оба эти потока. Напряженная диалектика на фоне осознанного противостояния и сущностного взаимодополнения двигает мир, к которому мы принадлежим, расширяет его качественные горизонты, позволяет отвечать на вызовы истории.

Интегрирование культурного универсума - одна из фундаментальных функций культуры. Этот род деятельности присутствует постоянно и непременно, являя собой обязательную компоненту существования социокультурного целого. И большая, и малая традиции постоянно заняты интегрированием универсума культуры. Они параллельно решают задачу социокультурного синтеза, рождая формы, адекватные настоящему моменту, отвечающие на экзистенциальные запросы своих современников. Синтез требует интерпретации и реинтерпретации настоящего, инкорпорирования инноваций, ассимиляции инокультурного материала, постоянного обращения к необозримому культурному наследию (как собственному, так и наследию других культур). Результирующая линия развития нашей цивилизации некоторым образом охватывает результаты частных синтезов большой и малой традиций.

Носители традиционного сознания любят цитировать строки Писания: ... "всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит" (Мат. 12, 25). Эти слова евангелиста воинственно антидиалектичны. Царство, не разделившееся в самом себе, уже мертво. Только разделившись в самой себе, любая социокультурная целостность обретает шанс саморазвития, а значит - и выживания. Выделение большой и малой традиций в универсуме христианского мира можно объяснить совокупностью разных обстоятельств и детерминатив. Мое убеждение состоит в том, что самый высший уровень детерминации этих процессов задает выделение в любом жизнеспособном целом сущностей или полюсов, противопоставленных и диалектически связанных друг с другом. Диалектика большой и малой традиций не единственный сюжет взаимодействия внутри европейского целого. Диалектика варваров и цивилизации сменяется однажды диалектикой сельского мира и городов, имперского и национального принципов политического бытия. Германский мир противостоит романскому, центрированность на Северное море и Балтике - центрированности на Средиземноморье, бедные противостоят богатым, профаны - людям высокой культуры, протестанты - католикам, и т.д. Диалектика большой и малой традиций - один из срезов всеобщей диалектики европейского целого.

Впрочем, срез этот далеко не второстепенный. Пронизывая собой буквально все сферы социокультурного универсума, диалектика большой и малой традиций тысячелетия оформляла маршрут разворачивания европейского духа и задавала природу нашего мира.

* * *

Теперь, когда ответы на главные вопросы сформулированы, можно в порядке приложения коснуться вопроса, который наверняка должен был возникнуть у читателя: "А как же Россия?".

Малая традиция в России - тема специального и развернутого разговора. Российский сюжет надо было бы начинать с богомильской ереси, проникавшей из Болгарии одновременно с Крещением Руси. Следовало говорить о стригольниках, заветных сказаниях, неканонических книгах, об апокрифической апокалиптике, о русских сектантах (скопцах, жидовствующих, хлыстах). Далее, пришлось бы говорить о петровских преобразованиях, положивших начало формированию в России вестернизированной культуры большого общества со всеми присущими ей реалиями малой традиции. Повторяю, это большой и серьезный разговор.

Для того, чтобы сформировать хотя бы образ этого проблемного пространства, ограничу себя отечественной художественной литературой Нового времени и обозначу на оси времени отрезок между двумя точками. От сказки А. Погорельского "Черная курица" (1829), произведения эталонной чистоты в смысле манифестации масонского мировидения, до романа братьев А. и Б. Стругацких "Град обреченный" (1972). В романе приводится развернутое рассуждение одного из персонажей о храме мировой культуры. "Храм этот строится и ничего серьезного, кроме этого, в жизни не происходит... в жизни у меня только одна задача - храм этот уберечь и богатства его приумножить. Я конеч-

но не Гомер и не Пушкин - кирпич в стену мне не заложить. Но я - Кацман! И храм этот - во мне, а значит и я - часть храма, значит с моим сознанием храм увеличился на одну человеческую душу. И это уже прекрасно. Пусть я даже ни крошки не вложу в стену... Хотя я конечно постараюсь вложить, уж будь уверен. Это будет наверняка очень маленькая крупинка, хуже того, крупинка эта со временем может быть просто отвалится, не пригодится, но в любом случае я знаю: храм во мне был и был крепок и мною тоже..." [Стругацкий, Стругацкий, 1997, с. 432 - 433].

Эти вдохновенные слова, выражающие, как мне представляется, нравственную и гражданскую позицию Стругацких, примечательны в одном отношении - храм мировой культуры, о котором говорил Илья Кацман, отсылает нас к храму Соломона. Тому самому храму, который по легенде раскапывали тамплиеры. Это храм, к строителям которого возводят себя "вольные каменщики", архитектор которого Адонирам - один из исходных персонажей масонской мифологии. Анализ текста романа, а также других произведений братьев Стругацких свидетельствует об их погруженности в систему символов малой традиции.

Погорельский и братья Стругацкие - лишь реперы, выбранные достаточно произвольно и отражающие вкусовые предпочтения автора настоящих строк. Развернутый анализ позволяет обнаружить внутри этого пространства А. Пушкина и Д. Фонвизина, В. Кюхельбекера и С. Аксакова, Андрея Белого, А. Цветаеву и многих других авторов. Русская литература (и русская культура как целое) пронизана малой традицией в гораздо большей степени, нежели это может показаться с первого взгляда. Видение культуры с точки зрения диалектики большой и малой традиций позволяет распознать реалии, закрытые для восприятия пеленой привычных стереотипов, и продвигаться в понимании нашей собственной природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анабаптисты //Христианство. Энциклопедический словарь. В 2 т. Т. I. М., 1993.

Соловьев Э. Непобежденный еретик. Мартин Лютер и его время. М., 1984.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Град обреченный. М., 1997.

Яковенко И. Г. Негосударственные традиции в народной культуре // Ахиезер А. С., Давыдов А. П., Шуровский М. А., Яковенко И. Г., Яркова Е. Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск, 2002.

Яковенко И. Г. Эсхатологическая доминанта российской ментальности (связи, обусловленности, логика актуализации) // Общественные науки и современность. 2000. N 3.

Westfall R. S. Force in Newton's Physics. The Science of Dynamics in the Seventeenth Century. London, 1971.